

НАУКОВИЙ КРИТИЧНИЙ

РОМАН ГАЗЕТА

Юрій Фанков / Дмитрій Кірделіс

Дмитрий Николаевич Каралис

Чикагский блюз

Сканирование, вычитка Чернов Сергей, г.Орел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158743

Ю.Фанкин, Д.Каралис Ястребиный князь. Чикагский блюз.: Роман-газета №24; Москва; 2006

Аннотация

Хроника семьи Банниковых из подмосковного Зеленогорска глазами ее младшего представителя Кирилла, начиная с отроческого 15-летнего возраста и заканчивая зрелостью. В повести, как и в жизни, тесно переплетаются юмор и грусть, радости и печали, встречи и расставания – какие бы времена не наступили. «Чикагский блюз» бесконечен, как самая длинная река, как сама жизнь...

Содержание

I. Дача	4
1	4
2	12
3	16
4	19
5	24
II. Борода	26
1	26
2	32
3	35
4	38
5	40
III. Раки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Каралис

"Чикагский блюз"

Повествование в рассказах

І. Дача

1

Отец с дядей Жорой вознамерились купить зимний дом в Зеленогорске: с круглыми печками, батареями парового отопления, водопроводом, подвалом, городским телефоном, – и нас повезли на смотрины.

Непривычно было выходить на одну остановку раньше – в соседнем Ушкове нас ждали два типовых домика в садоводстве, разделенных оградой из можжевельника. Домики, как и их владельцы, были близнецами, только выкрасили их в разные цвета – наш в канареечный, а дяди-Жорин в светло-зеленый. Иногда мы даже встречали общих гостей в летних нарядах соответствующего цвета – наша семья желтела, а дяди-Жорина зеленела. И гостям было проще – они легко вспоминали, у кого из братьев-близнецов должны ночевать и чьи жены и дети ходят по участку.

В электричке было жарко, и, сойдя в Зеленогорске, мы сразу же обзавелись мороженым и двинулись в путь под руководством дяди Жоры.

Дом стоял у самой окраины леса.

На таких буржуйских дачах мне раньше бывать не приходилось.

На втором этаже покоился на козлах стол для пинг-понга и зеленел истертым сукном бильярд. Хозяйка сказала, что пинг-понг она может оставить без всякой доплаты, а бильярд увезет – внукам в Кузьмолово.

Над высокой крышей жужжал пропеллером самолетик-флюгер, и я осторожно спросил, оставит ли она самолетик, если мы купим дачу.

– А тебе хочется, чтобы он остался? – загадочно посмотрела на меня хозяйка. Она была не совсем старая, возраста моей бабушки. – Хочется? Да?

Я пожал плечами, но тут же быстро кивнул. Самолетик, рассекая винтом воздух, красиво плыл на фоне белых облаков и верхушек сосен. Тонкий железный штырь почти не был заметен, казалось, что ястребок мчится в теплом летнем воздухе сам по себе.

– Это «Ла-5», – узнал я истребитель со сдвинутой к хвосту кабиной пилота, и отец с дядей Жорой, приложив ладони козырьком, тоже посмотрели вверх.

«Пятнадцать лет, а все как маленький, – прочитал я на лице своей кузины. – Самолетиками интересуется...» Катька,

подбоченясь, стояла в новых болгарских джинсах и косилась на двух парней, остановившихся возле калитки прикурить. Один из парней был рослым, явно выше Катьки, и жердина-сестрица, похоже, прикидывала, где он живет и сгодится ли для компании, чтобы ходить на залив и прогуливаться в парке. Ей тоже было пятнадцать, но она была на полголовы выше меня и на физкультуре стояла в своем классе первой.

– Господи, как вы похожи! – восторженно улыбнулась хозяйка и перевела взгляд с отца на дядю Жору. – Прямо одно лицо! И домик словно специально для близнецов построен: два крылечка, два балкона, две верандочки... Соседи вас будут путать...

– С детства путают, – задорно сказал дядя Жора. – Поэтому я всегда хожу с гордо поднятой головой. Все хорошие дела совершил я, все плохое натворил брат. А верандочки ничего...

Это были не верандочки, а верандищи. Не балконы над ними, а балконищи. Мы поднялись наверх, и хозяйка стала рассказывать, как они с мужем-летчиком ставили на одном балконе столы с самоваром для приема гостей, а на второй ходили плясать под гармонь и радиолу. И один капитан, пройдясь со свистом в сольном танце, так лихо крутанул ногой, что центробежная сила выкинула его с балкона, и он совершил мягкую посадку на кусты сирени. Я посмотрел вниз, куда когда-то падал плясун, и не поверил в мягкую посадку: кусты были жидковаты. Но промолчал: со взрослыми лучше

не спорить, к тому же мы находились совсем недалеко от самолетика, я поймал его взглядом на фоне легкой белой тучки и не хотел отпускать.

Сверху был хорошо виден участок: кусок леса с высокими соснами и елями, кочки с черничником и круглая беседка с чуть поржавевшей железной крышей. За сетчатым забором начинался густой лес. Возле дома цвели нарциссы с тюльпанами, к сараю вела потрескавшаяся бетонная дорожка. Мне нравилось, что грядок всего две – поросшие бледной зеленью, они плоско лежали под окнами кухни, но тетю Зину и маму это не порадовало.

– Участок почти не разработанный, – поджав губы, задумчиво сказала тетя Зина. На руке у нее висела изящная сумочка, а на шее розовел газовый шарфик. – Даже картошку не посадишь.

— Да, – покивала мама, – и перспектив никаких. Там лес, здесь кусты и клумбы...

– Да ладно вам, – махнул рукой дядя Жора. – Картошка в магазине – десять копеек килограмм. Зато дикая природа и воздух.

– Вот именно, – сказал папа. – Это дача, а не садоводство. Мы идем к коммунизму, а не к хуторскому хозяйству.

– Вы еще не видели, какой здесь подвал. – Дядя Жора звонко хлопнул себя по лбу. – Вагон яблок и вагон картошки влезает. Десять бочек капусты можно засолить и семь бочек грибов...

Мы спустились в подвал с сухим бетонным полом, где стояли две пустые кадки, а в ящике белели ростками остатки картошки, потом вновь поднялись на второй этаж, с которого вдали хорошо проглядывалась стеклянная арка вокзала.

Дядя Жора, чтобы проверить, как работает телефон, позвонил бабушке в город.

– Обязательно посмотрим, – говорил в трубку дядя Жора. – Но без твоего согласия все равно покупать не будем. Да, набираешь девятку и сразу городской номер. А сюда звонить – напрямую. Нет, Зеленогорск межгородом не считается... Приеду, все расскажу.

Конечно, дача в Зеленогорске – это не садоводство в Ушкове. Хоть и рядом, а все по-другому: асфальт, три кинотеатра, парк с аттракционами, залив, «Золотой пляж», прогулочные теплоходы, буфеты, пирожки на вокзале, мороженое на каждом углу, автоматы с газировкой по всему городу...

Купить дачу именно в Зеленогорске придумал дядя Жора. Последний год он каждый день мотался сюда на работу, потому что его назначили директором филиала КБ, что размещалось в двухэтажном здании неподалеку от местной больницы, и дяде Жоре захотелось жить поближе к работе. Причем круглый год. Он получил крупную премию за очередную научную разработку и подбивал отца разом продать дачки и купить дом на две семьи.

Вообще-то, КБ, в которое моего дядю назначили директором, создавали для друга дяди Жоры, академика, жившего

после тяжелой болезни в соседнем Комарове. Академик был как бы идейным вдохновителем КБ. Он ездил в инвалидной коляске, и его звали Сергей Сергеевич, но для дяди он был Серега. В пятьдесят втором году они вместе болтались в небе над Сахалином, зацепившись стропами парашютов за хвост транспортного «Дугласа», пока инструктор с загадочной фамилией Дерижопка не срезал их поодиночке десантным ножом.

– Нет, ты посмотри! – дядя Жора тянул за рукав моего папу. – Сарай, гараж, водопровод... А вот место для второго гаража и второго сарая... Пятнадцать соток настоящего леса, грибы прямо под ногами растут, ведро черники за сезон собирается. Правда, Елена Сергеевна?

– Ведерко, – уточняла хозяйка, сдерживая улыбку. – Да, в прошлом году собрала со своего участка пластмассовое ведерко черники. И засолила баночку горькушек...

– Ты видишь! – гордясь прошлогодней урожайностью, восклицал дядя Жора и, взяв жену под руку, повел показывать беседку. – Здесь можно воздвигнуть огромный навес, типа летней кухни, а вот здесь, между сосен, выкопать бассейн метров на десять для будущих внуков – пусть с утра плещутся.

– Кто плещется? – переспрашивала тетя Зина, тревожными глазами выискивая Катюку, сместившуюся поближе к воротам.

– Да внуки! – Дядя Жора шел вперед и окликал отстав-

шего отца: – Сережа, а вот здесь вторая калитка просится, чтобы сразу в лес выходить. Как тебе такая идея?

– Логично, – кивал отец, расчетливо оглядывая каждый уголок участка. – А вот здесь теплый душ с колонкой неплохо бы...

– А по-моему, лучше баньку! Покатался на лыжах, попарился в баньке и тяпнул стопочку под квашеную капусту и соленый груздь! А? Нравится тебе такая идея?

– Нравится – не то слово. – Отец понижал голос, чтобы не слышала хозяйка. – Я в восторге! Иметь такую домину в Зеленогорске – мечта поэта. Но ты знаешь мои проблемы... Даже если мы продадим свою халупу Петровым, мне все равно не хватит тысячи...

– Да ладно тебе, ладно, – дядя Жора похлопывал отца по спине. – Не в этом дело. У меня сейчас есть. Теперь главное – чтобы маме нашей понравилось!

– А что ей может не понравиться? Газетный киоск – на вокзале, полно магазинов, снабжение отличное, своя больница со «скорой помощью»... А воздух? Воздух стоит миллионы!

– Это да! – соглашался дядя Жора. – Плюс городской телефон. Сделаем удлинитель, пусть сидит в шезлонге, ест клубнику и разговаривает с Варварой Степановной по телефону...

– И Варвару Степановну всегда можно пригласить – места хватит.

– Еще бы! Столько комнат! А ты обратил внимание, что наверху стоят вторые рамы для веранд? И батареи на каждой веранде. Там зимой в носках и маечке ходить можно. Сказка, Сережа! А теплый туалет? Как тебе туалет?

– Блеск! Жаль, что он только в одной половине.

– Сделаем и во второй! Я предлагаю, если все получится, разыграть половины дома по жребию. Катька, например, подбросит пяточок, а Кирюха пусть загадывает – орел или решка. Идет?

Седьмого июня в двенадцать часов дня Катька подбросила тусклый латунный пятак, и я выкрикнул решку. Дядьке досталась южная веранда, нам – северная. «Это ничего, – сказал отец, – зато восходы и закаты достались поровну».

Теплый внутренний туалет оказался на половине дяди Жоры, и сразу же после переезда мы сообща создали для нас нечто грандиозное в одной из кладовок с высоким окошком.

Гремело, как Ниагарский водопад! Потом урчало и всхлипывало, когда в бочку, стоявшую на чердаке, закачивалась вода. Из крана над крохотной раковиной стреляло рыжей водой. Бедная кошка Сильва, которой мама поставила ванночку с песком в этой, так сказать, туалетной комнате, входила туда как на минное поле, а выскакивала вприпрыжку. Иногда она покидала грохочущий клозет через открытое окошко, торопливо спрыгнув под куст сирени и тут же ударяясь в бега. Дяди-Жорин спаниель Чарли смотрел на нее сочувственно и на всякий случай перебирался подальше от дома. «Черт его знает, может, там стреляют, – читалось на его озабоченной мордочке. – Лучше отойти, пока не поздно...»

Огромные веранды с ромбиками разноцветных стекол были веселы в любую погоду. Дядя Жора поставил на своей веранде письменный стол с зеленым сукном и сказал, что теперь будет зарабатывать Нобелевскую премию по физике.

Главное, чтобы хватило терпения и бумаги.

Дядя Жора говорил, что его идея, как все гениальное, проста. Он собирался придумать прибор, разгадывающий принцип строения любого продукта или живого существа. Так сказать, его формулу. И по этой формуле, заданной другому прибору – синтезатору, воспроизводить желаемое в любых количествах.

– Нужны нам, например, монголы для охраны границы с Китаем. Пожалуйста! Засыпаем в синтезатор компоненты этих пограничников, нажимаем кнопку и задаем количество – два миллиона дружественных монголов ростом метр восемьдесят, весом девяносто килограммов... Ба-бах! Несколько дней работы прибора – и китайская граница на замке! Или, например, колбаса твердого копчения. Ну нет, колбаса – это слишком примитивно... Возьмем лучше соленые огурчики...

– А что, самим-то уже не вырастить? – интересовалась бабушка. – И чем ты этих монгольских парней кормить будешь? Их солеными огурцами не прокормишь...

Она чувствовала себя хорошо и сидела с вязаньем то на нашей веранде, то у дяди Жоры с тетей Зиной. У бабушки была своя комната с двумя окнами и круглой печкой-голландкой, которую я несколько раз протапливал, потому что бабушке хотелось просушить стены – она говорила, что сухая штукатурка вбирает влагу, и если долго не топить, то стены сыреют, несмотря на то что дом выстроен из хороше-

го деревянного бруса. Бабушка самостоятельно облазила все подвалы, чуланы и чердаки с фонариком и свечкой в руках. Свечку она зажигала, чтобы проверить, откуда и куда дует. В молодости бабушка работала проектировщиком, строила в Китае металлургический завод и геометрию с физикой объясняла нам с Катькой гораздо понятнее, чем папа или дядя Жора.

Папа объяснял занудливо, предварительно перечитав чуть ли не весь раздел учебника, а дядя Жора – с налету, ярко и убедительно, но не всегда понятно. От его веселых сравнений мысли разбегались, а сложить их обратно было не так-то просто. «Ну, поняли, черти полосатые, что такое закон Ома?» – спрашивал дядя Жора, когда мы с Катькой переставали трястись от щекотки, имитирующей электрический ток в цепи, и вытирали слезы. Мы говорили, что поняли, и, выждав немного, шли к бабушке – допонимать по-настоящему.

Участок наши отцы-близнецы не делили. Какой смысл делить кусок леса, в котором держится зеленый сумрак, растет черника, пищат комары и стоит старая беседка с железной крышей. Братья только сделали вторую калитку, отворявшуюся прямо в лес, чтобы было удобнее ходить за лисичками и сыроежками, которые росли за забором.

Мы перебрались на новую дачу и стали пахать, как новенькие трактора: переклеивали в комнатах обои, красили рамы, перила, чинили забор, а дядя Жора за свои деньги нанял двух маляров, которые покрасили весь дом в канарееч-

ный цвет, а железную крышу – в салатный. У отца осенью должен был выйти учебник в издательстве, и он обещал отдать свою долю с гонорара.

– Ну что такое деньги! – снисходительно говорил дядя Жора и обнимал отца за плечи. – Ты же знаешь, для меня главное – красота. Скажи лучше, красиво получилось?

– Как тебе сказать... – пожимал плечами отец. – Конечно, лучше, чем было... Но деньги все равно отдам.

3

Когда красили крышу, я попросил маляров снять железный штырь с флюгером-самолетиком и обнаружил, что истребитель сделан из крепкого бука и покрыт лаком. В нем было сантиметров двадцать длины, не больше. На штыре он поворачивался с помощью подшипника. И в центр винта тоже был вставлен маленький бесшумный подшипник, отчего три буковые лопасти при малейшем дуновении ветерка начинали вращаться и сливались в прозрачный круг, как у настоящего самолета. В кабине сидел нарисованный пилот, нарисованы были даже очки и лямки парашюта. Мы с папой осторожно скрутили самолетик со штыря, я помыл его губкой с мылом и, когда он высох на солнце, тонкой кисточкой подновил звездочки и бортовой номер; «12».

Звездочек на фюзеляже было семь, что соответствовало числу сбитых самолетов противника. Отец сказал, что бывший хозяин дачи последние годы преподавал в Военно-воздушной академии, а во время войны воевал на Ленинградском фронте.

Я поставил самолет на шкаф – сушиться, и в моей комнате вкусно пахло лаком. Сильве я пообещал взбучку, если она будет крутить лапой винт или уронит машину на пол. Еще я по совету отца смазал подшипники графитовой смазкой. Когда лак высох, я, к своему удивлению, обнаружил с нижней

стороны левого крыла процарапанную надпись: «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Это была строчка из песни, которую распевали наши летчики в кинофильме «Небесный тихоход».

Моя комната была на втором этаже. Из окна как на ладони были видны наш участок с беседкой и мрачный еловый лес, начинавшийся за забором.

За улицей я тоже мог наблюдать: стоило мне перейти в пустующую пока комнату напротив, где потрескивал под подошвами крашенный пол, глянуть в окно, и вот они, наши железные ворота, калитка, пацаны и девчонки с велосипедами, ждущие Катьку или меня. И машущий хвостом Чарли, которому запрещено в одиночку выходить с участка, но он все равно выходит, чтобы сикнуть на какой-нибудь кустик и обнюхать траву вдоль канавы.

Флюгер-самолетик не был виден из окна, но я знал, что он летит прямо над изголовьем моей кровати, всегда против ветра, и часто слышал сквозь открытую форточку мягкое жужжанье его винта. Лежа в постели, я представлял пилота в кабине, с парашютными лямками на груди, его шлем, очки-консервы, мысленно видел счастливый бортовой номер «12» и семь красных звездочек на фюзеляже – семь воздушных побед. А по ночам, когда дом застывал тишиной и спокойствием, я представлял себя на месте пилота. Видел проверки трассирующих пуль, дымный хвост подбитого мною

«юнкерса» – он падал в сторону замерзшего залива, слышал уханье зениток, что били от Ростральных колонн, совсем неподалеку от дома, где моя тридцатилетняя бабушка сбегала с двумя сонными мальчиками-близнецами по лестнице в бомбоубежище. Видел стремительный подъем светящейся стрелки высотомера – это мой истребитель, вздернутый полукругом штурвала, рвался в звездное небо, чтобы при лунном свете пойти в лобовую атаку на прорвавшийся к городу «Мессершмитт-109» с черными крестами на крыльях и фюзеляже... И замирало сердце, когда две ревущие машины сближались лоб в лоб, чтобы одна из них на последних метрах дернула закрылками и ушла вверх, подставив брюхо пулеметной очереди. Пару раз и у меня сдавали нервы – я видел себя под куполом парашюта, лицо пылало от стыда и морозного ветра, и вдали догорал брошенный мною самолет...

Но побед в этой мысленной схватке было больше, чем поражений. Вот фашистский самолет взмывает вверх – я отчетливо вижу, как разрывные пули с треском вспарывают его дюралевое брюхо. После этого я приземлялся и мысленно пририсовывал новую звездочку на свой фюзеляж. Нет, вру! Это делал пожилой механик в комбине зоне, как в кинофильме «В бой идут одни старики».

Этот Гриня не понравился мне с самого начала. Он перешел на второй курс книготоргового техникума и давил на нашу компанию психически. У Грини были длинные руки, желтые вьющиеся волосы на щеках и серые нахальные глаза с прищуром, которыми он разглядывал девчонок. Гриня приезжал на нашу полянку на вишневом мопеде «Рига» и, не слезая с седла, брал у пацанов мяч и забрасывал его одной рукой в баскетбольную корзину. Он курил и, не скрываясь, пил плодово-ягодное вино. Еще он рассказывал, как проникал на танцы в пионерлагерь «Двигатель» и клеил там кого хотел – студенток-пионервожатых или девиц из первого отряда.

Когда на полянке появлялась Катька, Гриня заводил свой трескучий мопед и начинал выхваляться, изображать из себя бывалого гонщика: крутился по окрестным тропинкам и резко тормозил под баскетбольным щитом, покрывая полянку голубым пахучим дымом. Однажды он предложил Катьке прокатиться с ним, но Катька, взглянув сначала на Грину, потом на мопед, поблагодарила и, изящно заложив мяч в корзину, продолжила игру в «минус пять» с третьеклассниками. Я-то знал, что ей нравится Лёньчик, студент филфака, который носил дымчатые очки, как Анджей Вайда, крутил в парке на турнике «солнышко» и обращался к Катьке

на «вы». Он играл с нами в волейбол, высоко выпрыгивал к сетке и называл нас стариками и корифеями.

В тот день я тащился с картошкой и двумя бутылками молока из магазина, и Гриня притормозил возле меня.

– А чего это твоя сеструха целку из себя строит? – сквозь треск мотора прокричал Гриня. – Или тебе все-таки дает?

Он захохотал и умчался на своем вишневом мопеде.

Я почувствовал, как загорелось лицо, и остановился возле водопроводной колонки. Огляделся – улица была пуста, нас никто не слышал. И тут до меня полностью дошел смысл сказанного. Я умылся, попил ледяной воды и сел на склоне канавы, кусая травинку и соображая, что теперь делать. Ошибки быть не могло—я все расслышал так, как расслышал.

В канаве стрекотали кузнечики, а за моей спиной добродушно фыркала пасущаяся на поляне лошадь.

Я подумал, что есть смысл дожидаться, когда Гриня поедет обратно, и метнуть в него сетку с картошкой. А когда он свалится со своего мопеда, плеснуть в него молоком и сказать: «Так что ты молол своим поганым языком? Повтори!» А потом пусть он меня лупит, если догонит...

Я просидел с полчаса, но Грини не дождался. До дома меня довез дядя Жора, возвращавшийся из города на своей «Волге» с блестящей фигуркой оленя на капоте. Он притормозил у колонки и махнул мне рукой. На заднем сиденье у него синели два новеньких почтовых ящика.

– Давно надо было купить, – похвастался дядька приобретением. – А тот фанерный выброшу к чертовой матери, сгнил совсем.

– А второй зачем? – спросил я.

– Вам, – пожал плечами дядька. – А то газеты на крыльцо кладут, письма камушком придавливают. Как в деревне...

На следующий день отец с дядей Жорой привернули к воротам два синих почтовых ящика, и тетя Зина принесла из сарая пузырек с белой нитрокраской и кисточку.

Мы с Чарли сидели на бревнах, сложенных около забора, и смотрели, что собирается делать его хозяйка. Настроение у меня было поганое. Я не спал половину ночи, но так и не придумал, как поквитаться с Гриней. Лезть в драку? Да он отшвырнет меня своими ручищами. Сделать хорошую рогатку и выбить ему глаз? Подкараулить возле дома и врезать колом по загривку? Все это пахло детской колонией, но нельзя же прощать такие гадости. А если он и дальше будет выкаблучиваться при всех, жизни мне в Зеленогорске не станет...

Тетя Зина размешала кисточкой краску, Чарли фыркнул от сладковатого запаха, и на синий фон легли мелкие белые буквы: «Г. М. Банников».

Тетя Зина перешла ко второму ящику, Чарли крутнул головой, чихнул и, соскочив с бревен, ушел на участок. Тетя Зина, пожалев бедную собаку, которой вредная хозяйка не дает дышать чистым воздухом, быстро настрочила на нашем

ящике «С. М. Банников» и полюбовалась ровностью букв.

– Вот это я понимаю – работа! – похвалил отец надписи. – И что очень ценно, нет запаха барачков: квартира номер один, квартира номер два... Да, Жора?

– Блеск! – сказал дядя Жора. – А как тебе, Элечка?

Мама сказала, что ящички хорошо смотрятся, и похвалила тети-Зинину работу.

Мне тоже понравилось, как написано, но не понравилось, что теперь все будут знать нашу фамилию. Без фамилии на воротах как-то было спокойней. Кому надо, тот узнает, а чтобы всем объявлять... Но не будешь же спорить со взрослыми, тем более когда их четверо.

Я свистнул Чарли и пошел прогуляться в лес. Когда мы возвращались домой, я остановился и залюбовался самолетиком – его несло навстречу ветру, и казалось, он летит очень высоко, среди бегущих по небу белых туч...

Гриня нарисовался на площадке к вечеру, когда мы уже расходились, и, не слезая с мопеда, стал гонять по земле мяч, изображая игру в мотобол. Было заметно, что он поддатый. Трещал мотор, стреляя удушливым дымом, и девчонки, покрутив пальцем у виска, разобрали велосипеды и покатали по домам. Мы с парнями стояли кучкой, и как только Гриня забил мяч в кусты, я сходил за ним и пристегнул пружиной к своему багажнику. Сразу сваливать было бы несолидно, но и оставаться не было смысла. Я сделал вид, что не замечаю Гриню, а проверяю, хорошо ли накачаны колеса велосипеда.

Гриня выключил мотор, закурил и насмешливо посмотрел в мою сторону.

– Я теперь тебя Кабаном звать буду, – крикнул он. – Ты же Кабан! Кирилл Банников. Ка-банников! Усек, Кабан?

За моей спиной кто-то из ребят засмеялся.

– А сестрица твоя, Екатерина Банникова... – Гриня стал медленно натягивать кожаные перчатки, – будет у нас... Е...

– Он выдержал паузу и слил Катькин инициал с фамилией. – Понял, от какого слова, Кабан?

И опять за моей спиной кто-то услужливо засмеялся.

– Вот так вот! – победоносно заключил Гриня и крутнул педаль мопеда. – Бывай, Кабан!

Я дождался, пока рассеется кислый дым от его мопеда, и, ни с кем не прощаясь, сел на велосипед и поехал к дому.

...Я крутился в постели, вставал и смотрел на чернеющий за забором лес, открывал и закрывал форточку, снова ложился, взбивал смятую подушку, но заснул только под утро, когда вдруг отчетливо понял, что должен сделать.

...В больнице я пролежал неделю. Ко мне приходили ребята, приносили мороженое и рассказывали новости. У меня был перелом ключицы, но доктор разрешал выходить во двор и сидеть с ребятами на лавочке.

Лёха и Миха, два пацана с нашей улицы, уверяли, что в то утро испытывали рогатки в лесочке за Моховой улицей и видели, как я с криком «ура!» врезался в мопед Грини.

Я осторожно мотал головой и рассказывал, как было на самом деле. Я не «ура!» кричал, а просто вопил для храбрости и наведения страха на противника. Что-то вроде протяжного индейского «иа-аа-йа-а!». Дорожка за Моховой начинается узкая, по бокам глубокие осушительные канавы с текущей водой, там водятся головастики и растут кувшинки, и Гриня, когда я на полном ходу выскочил навстречу его мопеду и заорал, взял в сторону, но продолжал ехать. Мне показалось, он даже прибавил газу, надеясь быстрее разминуться. Но я направил свой велик прямо на него и, продолжая вопить, накручивал педали. И вовсе не я врезался в мопед Григи, а Гриня, попетляв, насколько позволяла ширина дорожки, не выдержал моей лобовой атаки и свернул в канаву. Я лишь чиркнул своим передним колесом о его заднее, но и этого хватило, чтобы мне вылететь из седла.

– Не, классно было! – восхищался Лёха. – Гриня в воду

– бемс! Вылезает мокрый, в волосах головастики, в глазах тоска. Кирюха встает, за плечо держится...

— Ага! – продолжал Миха. – Мы подбегаем – мопед заглох, фара разбита, руль набок... Кирюха от боли морщится: «Это тебе, гад, за Катюку и за меня! Будешь языком трепать – я тебя асфальтовым катком задавлю!»

Они подвирали насчет моих угроз и головастиков в волосах у Грини, но я молчал, потому что подвирали красиво. И всем пацанам нравился их рассказ...

Скоро мне стало казаться, что все так и было, как рассказывали два случайных свидетеля моего тарана. Я помнил только, как обдало жарким воздухом ногу от летящего в канаву мопеда и как в ключице вспыхнула боль. Момент столкновения я не мог видеть, потому что со страху закрыл глаза...

До конца лета Гриня так и не появился на нашей площадке, а осенью уехал в Ленинград к бабушке, да там и остался. Говорили, что его отчислили из техникума, а потом забрали в армию. Больше мы с ним не виделись.

Следующей весной, когда я снял самолетик на покраску, мне вспомнился мой безумный таран, и я собрался нарисовать на свободной стороне фюзеляжа свою звездочку, но что-то меня остановило...

II. Борода

1

Дядя Жора уехал в Комарове к своему другу-академику и пропал.

Не то чтобы совсем пропал, но к вечеру не вернулся и на связь не вышел. Телефон на даче Сергея Сергеевича молчал, что было и удивительно, и подозрительно, учитывая болезнь Эс Эс – он передвигался в кресле с велосипедными колесами и надолго из дому не отлучался.

– С ними что-то случилось! – запаниковала тетя Зина.

Они с мамой сидели на нашей веранде и пытались есть специальный творог с одуванчиками, который, оказывается, омолаживает организм и снимает усталость.

– Одиннадцать часов, а от него никакой весточки... Фу, какая гадость! – Тетя Зина вышла на крыльцо и выплюнула целебный творог в миску спаниеля Чарли. – Может быть, Сережа с Кириллом съездят, пока электрички ходят?

– Ну что ты волнуешься! – Мама ковыряла ложечкой в тарелке, словно раздумывая, есть ей теперь этот фитотворог или отказаться из женской солидарности. – Может быть, на комаровских дачах телефоны отключили? Если он не придет до двенадцати, Сережа с Кириллом на машине съездят.

Кирилл, позови, пожалуйста, папу – надо посоветоваться...

Я перестал наблюдать за Чарли, который осторожно выедал творог меж одуванчиков, и пошел к отцу.

Отец смотрел телевизор.

– Ну что там? – спросил он и взглянул на часы. – Нет его?

Странно... И что женсовет предлагает?

– Может быть, съездим? – сказал я. – Вдруг действительно что-нибудь случилось?

– Что там может случиться? – сказал отец, приглушая телевизор. – Ничего не может случиться. Пошли прогуляться к заливу или на территории шашлыки жарят. Он брал шампуры? Не видел?

Я помотал головой и пожал плечами. Мне тоже казалось, что паниковать рано, но было тревожно. В поздних электричках шлялись всякие пьяные парни, да и странно, что телефон в Комарове молчал.

Обычно день дяди Жоры начинался с телефонных разговоров: из Комарова звонил Сергей Сергеевич.

Академик был плодовит на идеи и ссыпал их по утрам в телефонную трубку, как крупу в воронку. Провода доносили их до нашей дачи на окраине леса, и дядя Жора добросовестно записывал светлые мысли своего гениального друга. «Грандиозно! Сейчас же поеду и надаю пинков Абалтусову! Что еще? Неудобно говорить? Зашифруй! Понял! Литр водки и две бараньи ножки? Хорошо. Если только мясник Вася не в запое. А кто еще будет на совещании? Всё! К пятна-

дцати буду как штык! Заодно захвачу последние расчёты по «Сигме». И надо утвердить план дежурства в добровольной народной дружине».

Сев в свою «Волгу» с оленем на капоте (у дяди Жоры было спецразрешение от главного гаишника Ленинграда на запрещенного травмоопасного оленя), он ехал в КБ и давал живительных пинков сотрудникам, которые в летнее время селились с семьями по окрестным дачам и чувствовали себя расслабленно.

Несколько раз мы с отцом тоже ездили в Комарово, где взрослые выпивали под грибную солянку, играли в шахматы с часами и, вырывая друг у друга карандаш, ссорились из-за расчетов какой-то лямбды. Заходили в гости другие академики и разные профессора, приводили детей и внуков, чтобы показать им братьев-близнецов. Меня звали играть в бильярд или слушать попсовые записи, и с одной девчонкой я ходил гулять к заливу, и она даже брала меня под руку. Правда, всего один раз – чтобы вытряхнуть песок из туфельки.

– Нет, я с ума сойду! – нервно сказала тетя Зина и поставила перед Чарли свою тарелку с чудо-творогом. – Кушай, Чарлик, кушай. А нельзя куда-нибудь позвонить и узнать, работают ли там телефоны?

– Куда сейчас позвонишь? – пожал плечами папа. – Впрочем... – Он поднял вверх палец и пошел к телефону на кухне.

– А он точно в Комарово поехал? – с нажимом на слово

«точно» спросила тетя Зина. – Ты ничего не путаешь?

– Вроде точно, – кивнул я. – Я собирался обедать, а он зашел и сказал, что едет в Комарово. Еще огурец у меня взял, посолил и съел...

– Господи, – вздохнула тетя Зина, – он хоть поел перед отъездом, не знаешь?

– Кажется, нет. Точно не знаю.

– Огурец взял у мальчика! Надо же! – горестно сказала тетя Зина, словно дядя Жора взял у меня не огурец, а цианистый калий. Или этот огурец, что дядька подхватил из миски с огурцами, был последним куском хлеба в нашем доме. Еще меня задевало, что она продолжает называть меня мальчиком, будто я не получаю в этом году паспорт. – Как будто своих огурцов нету! Вчера, как дура, целую сетку при-тащила...

– Ну что, Сережа? – крикнула мама, деликатно отодвинув свою тарелку с творогом. – Есть результаты?

– Ни черта нет, – появился на веранде папа и почесал лоб. – Бюро ремонта уже не работает, а на АТС таких справок не дают.

– Ужас, ужас, просто ужас! – тетя Зина глянула на темную улицу сквозь тюлевые занавески. – Я не нахожу себе места! – сказала она, не вставая со стула и собираясь расплакаться. – Надо что-то срочно придумать! А где Катерина? Наверху? Кирилл, позови ее...

И то, как тетя Зина сказала «ужас, ужас, просто ужас!» и

как она поджала губы и заморгала крашеными ресницами, и ее вопрос о Катьке, словно она спрашивала, где их с дядей Жорой дочь, чтобы сообщить ей нечто ужасное об отце, произвели на меня гнетущее впечатление. Я тоже стал представлять себе самое худшее. Может, их там убило током, например. Или, например, дядя Жора повез Сергея Сергеевича в коляске на залив, а какой-нибудь «МАЗ» или «Татра» сбили их на Приморском шоссе. Или коляска с Сергеем Сергеевичем выскользнула у дяди Жоры из рук и покатилась, набирая скорость, под горку, к заливу, к шоссе...

Сверху спустилась Катька, и женщины разом заговорили, что надо немедленно заводить машину и ехать всем вместе в Комарове, спасать, пока не поздно, дядю Жору и Сергея Сергеевича, потому что нет никаких сомнений, что обязательный дядя Жора, будь все в порядке, позвонил бы и сказал, что задерживается.

– Да успокойтесь вы! – громовым голосом сказал папа.

Женщины разом замолчали.

Катька стала набирать комаровский номер, тетя Зина вышла на улицу и стала смотреть в конец Кривонососовской, мама под шумок тоже отдала лечебный творог Чарли, а папа взял ключи и пошел к гаражу выводить наш «жигуленок».

Папа сказал, что поедем только мы с ним вдвоем. И точка. Поедем после двенадцати, дождавшись последней электрички. Сказано было так, что у меня мороз пробежал по коже, – я решил, что дела действительно плохи, если папа

не берет слабонервных женщин, а тетя Зина ни к селу ни к городу вдруг вспомнила, что дядя Жора уже месяц как отпустил дурацкую бороду и ходит с ней, воображая себя академиком Курчатовым.

– Да ну тебя! – осуждающе сказала мама. – При чем здесь борода!

– При том! – упрямо повторила тетя Зина и опять заморгала глазами.

До меня не сразу дошло, что она терзается мыслью, будто борода отпущена специально, чтобы понравиться какой-нибудь другой женщине. Это в сорок-то один год!.. При взрослой, шестнадцатилетней дочке! Ха-ха!.. Дает тетя Зина!.. Мне, например, было понятно, зачем дядька отпустил бороду: чтобы соседи не путали его с братом-близнецом. Хорошая получилась борода – полешком, два шпанёнка-внука могут ухватиться и висеть, говорил дядя Жора...

2

В Комарове, едва мы с отцом вышли из машины и хлопнули дверцами, за глухими воротами дачного кооператива поднялся собачий лай, а в будке с крыльчком погас свет. Отец поднялся по ступенькам и решительно постучал в дверь.

Сторож оказался поддатый и не сразу понял, чего мы хотим.

– Если телефон не отвечает, значит, дома нет, – разводил он руками в кисло пахнущей будке. – А чего я могу? Ничего не могу. Мне пост дален, я стою. – Он курил вонючий «Беломор», и мне казалось, еще чуть-чуть, и меня стошнит. – Вот как в семь вечера заступил, так и несу... А что телефоны? Телефоны у нас работают...

Отец протянул сторожу железный рубль и сказал, что мы сами дойдем до дачи академика В-ва. Сторож пропустил нас, и мы спешно пошли по гравийной дорожке от фонаря к фонарю. Собаки потявкали нам вслед и отстали.

Первое, что я увидел, когда мы подошли к темной даче Сергея Сергеевича, был серый кот Ерофей, сфинксом застывший на крыльце. Подпустив нас поближе, он сел и в ответ на мое приветствие протяжно мяукнул, словно жаловался, что его не пускают в дом.

– Ни фиги себе котяра, – шепотом сказал отец. – Это Ерофей, да? Чего это он на улице?

Отец, шурша кустами, обошел дом и, вернувшись на крыльцо, нажал кнопку звонка. Подождал, прислушиваясь, и снова позвонил, на этот раз трелью.

Я отошел от крыльца и стал смотреть, не зажжется ли окно на втором этаже. Или на первом... Отец присел к замку и попробовал подергать дверь, определяя, с какой стороны она закрыта. Но не определил. Вот он снова позвонил и тут же припал ухом к двери. Мне показалось, что за окнами второго этажа послышалось глухое мычание.

Я напряг зрение и слух, но больше ничего не заметил и не услышал. Вновь завел свою жалостливую песню Ерофей, и папа, топнув ногой, прогнал его с крыльца.

– Н-да, – тихо сказал папа и задумчиво посмотрел на светящееся окно соседней дачи; он размышлял насчет визита к соседям. – Черт его знает, как-то неловко... Без двадцати час уже...

– Ты слышал? – я тронул его за плечо. Мне показалось, что в доме раздался стук.

– Тихо! – отец вскинул палец.

Теперь мне стало казаться, что в доме скрипнули ступени. Я знал, что из тамбура за дверью идет лестница на второй этаж. Там обычно ночевали гости.

– Фантомас какой-то, – сказал отец и вновь принялся звонить и прикладывать ухо к дверной щелке. Я отступил от крыльца и задрал голову. За стеклом неподвижно бледнела занавеска.

– Пошли к соседям! – сошел с крыльца папа.

Соседи сказали, что приехали на дачу вечером, никого не видели и ничего не слышали.

3

Тетя Зина с мамой дежурили на подъезде к даче, и мы, открыв для них задние дверцы, впустили женщин в машину.

– Свет не горит, никого нет, – отрапортовал папа. – Соседи приехали поздно, ничего не знают. Сторож на воротах заступил в семь вечера. Пьян. Тоже ничего не знает.

Мы въехали на участок, тетя Зина вышла из машины, закрыла лицо руками и заплакала. Я поднялся к себе наверх, сел на кровать и на всякий случай заткнул пальцами уши.

Я так и не понял, шебуршал кто-то в доме или нам показалось. И почему папа на обратном пути сказал, что об этом не следует рассказывать женщинам? Только ли затем, чтобы они не строили себе иллюзий?..

– Ты же знаешь тетю Зину, – раздумчиво сказал отец. – Плюхнется в машину и потребует снова ехать в Комарове. А что это даст? Сам понимаешь...

Я не понимал, но промолчал.

Когда я спустился вниз, мама отпаивала заплаканную тетю Зину пахучими каплями, а Катька накручивала телефон и пыталась дозвониться до городской милиции, чтобы вызнать номер, по которому сообщают об увезенных «скорой помощью» и доставленных в морг.

Веселенькая тема, ничего не скажешь.

Отец мрачно рылся в лохматой записной книжке, выиски-

вая чей-то телефон. Часы показывали три ночи. Чарли, положив мордочку на лапу, сочувственно смотрел на хозяйку из-под газовой плиты.

– Кирилл! – всхлипнула тетя Зина. – А в чем он поехал? В голубой рубашке с галстуком или в олимпийке?

– Мама, прекрати сейчас же! – сказала Катька, шмякая трубку. – Пойди и загляни в платяной шкаф! – Она махнула рукой и, хлопнув дверью, выскочила.

– Нет, тетя Зина, он был в этой страшной гэдээровской кофточке и дурацких вельветовых тапочках... Ну, которые вы привезли из Венгрии...

Отец то ли поперхнулся, то ли хотел чихнуть, но сдержался, а тетя Зина сказала жалобно:

– Все меня обманывают! Все! – И опять зарыдала.

– Ну не дурацкие, – исправился я, – нормальные тапочки. – И пошел на улицу.

Катьку я нашел в беседке.

– Ты что, куришь? – удивился я.

– Как видишь! – огрызнулась сестрица.

– А какие у тебя?

Она молча сунула руку под скамейку и вытянула шуршащую пачку.

– Ого! – В свете далекого уличного фонаря я разглядел марку сигарет. – «Опал»! А зажевать есть чем?

Я вытащил сигарету, и Катька протянула мне спички.

– Вот леденцы лежат, – холодно сказала сестра и затяну-

лась. – Если только он себе какую-нибудь вешалку завел, я ему... всю рожу расцарапаю!

Она щелчком выстрелила горящим окурком и пошла к дому.

Я нашел окурок по малиновому огоньку в кустах черничника, загасил и выбросил за калитку, ведущую в лес.

Что они себе придумывают!.. Бедный дядя Жора...

Едва проснувшись, я понял, что уже середина дня и дядя Жора нашелся.

Я понял это по расположению солнца и радостному лаю Чарли, который носился по участку и лаял так, как он лает только с хозяином. Его лай то удалялся к лесному забору, то приближался к дому, и я подумал, что дядя Жора рад встрече и теперь гоняет любимого Чарлика, чтобы тот знал, как его любят.

Я соскочил с кровати и сдвинул занавеску.

Конечно! Дядя Жора, целый и невредимый, стоял возле беседки и, топая на Чарлика ногами, размахивал руками и делал вид, что сейчас бросится за ним и догонит. Чарли, высунув язык и скашивая глаза, нарезал круги по участку и радостно повизгивал и подлаивал.

Протерев сонные глаза, я залюбовался картиной. Хорошо! Но что у дяди Жоры с лицом? Мне показалось, оно сильно исцарапано... Катька?... Не может быть, чтобы она подняла на отца руку со своими коготками...

Я спустился вниз и вышел на крыльцо. Чарлик подбежал ко мне и, приветственно тьякнув, помчался дальше. Он хотел не только поздороваться, но и показать, как ему хорошо бегать кругами, играть с нашедшимся хозяином и тьякать на всю округу. Я с улыбкой помахал дяде Жоре, и он тоже мах-

нул мне. Да, лицо у него было расцарапано. И уши... Уши были какими-то вздувшимися и синими. Нет, это не Катышных рук дело...

– А где все? – сложив руки рупором, крикнул я.

Дядя Жора пожал плечами. Вид у него был какой-то чересчур самостоятельный, гордый, словно он со всеми, кроме Чарлика и меня, поругался и теперь не хочет даже знать, где проводят время домочадцы.

Бежать к дяде Жоре, разглядывать его лицо и спрашивать, откуда такие царапины и уши, мне показалось несолидным. Другое дело, если бы он приглашающе махнул мне рукой, своему единственному и любимому племяннику, но он не махнул. Хотя вчера мы с отцом и предпринимали его розыски и стояли под дверью, затаив дыхание. Н-да...

Я поставил на газ чайник и нашел на кухонном столе записку от мамы.

Она сообщала, что дядя Жора нашелся, а они с папой пошли на рынок и скоро будут. Я подошел к заколоченной двери, за которой начиналась дяди-Жорина половина дома, и приложился ухом к ковру: там бубнил телевизор или тетя Зина негромко разговаривала по телефону.

История, приключившаяся с дядей Жорой, выглядела сколь фантастически, столь же и убедительно. «Чужая мать заплачется», – как говорил потом дядя Жора.

Оказывается, когда мы с отцом приехали в Комарово, дядя Жора куковал в одиночестве на втором этаже чужой дачи и безуспешно подавал нам знаки, что нуждается в помощи.

Но куда же вдруг делся Сергей Сергеевич, который передвигался в коляске и безвылазно жил в Комарове?

– Куда, куда, – морщился дядя Жора, когда тетя Зина взялась допрашивать его по второму, а может быть, и по третьему кругу. – Я же говорил – за ним дочка приехала на микроавтобусе «Латвия» и увезла их с женой в Ленинград. Его на понедельник в клинику вызвали. А меня попросили дождаться прихода кота Ерофея, накормить этого поросенка, запереть дверь и положить ключ под крыльцо.

– И каким ветром тебя занесло на второй этаж?

– Повторяю: я поднялся, чтоб проверить, закрыты ли форточки.

– А почему они должны быть закрыты? – интересовалась тетя Зина.

– Ну, Жора у нас любит порядок, – догадался отец. – А тут все-таки чужое имущество...

– Правильно, – кивал дядя Жора, – именно поэтому. Что-

бы птицы, например, не залетели... Или чужие кошки не забрались...

– Чужие кошки! – сверкала глазами тетя Зина. – Не они ли тебя расцарапали?

По лицу дяди Жоры я видел, что ему очень хочется прокомментировать соображения супруги насчет чужих кошек, но он сдерживается.

Так вот. Поднявшись на второй этаж, дядя Жора зацепился ногой за коврик и повалился, как спиленный столб, пробив головой ветхую дверцу шкафа. Он влетел в пахнущую нафталином темноту, его голова застряла в фанере, а острые края впились в шею.

«Ни фиги себе уха!» – подумал в тот момент дядя Жора, но тут же решил, что это пустяк: он переждет боль, обломает фанеру и вытащит голову.

Но не тут-то было!

Фанерка оказалась хлипкой только в одном месте. К тому же конец бороды зацепился за края дырки, остался снаружи и тянул голову вниз, как лошадиная уздечка. Дядя Жора собрал волю и втянул бороду в шкаф, но, отдышавшись, понял, что совершил ошибку: теперь борода и уши мешали голове дать задний ход и вытянуть ее из колючего капкана.

Правда, руки у него остались снаружи, но дядя Жора лишь кончиками пальцев дотягивался до головки ключа и не мог повернуть его, чтобы открыть дверцу.

В шкафу висели старые драповые пальто, и их ткань цара-

пала лицо. От нафталина начали слезиться глаза. Дядя Жора попробовал взвыть, как корабельная сирена, но хорошего звука не получилось. К тому же он вспомнил, что запер входную дверь, которая, когда была открыта, все время распахивалась и скрипела. Он стал припоминать всякие нравоучительные истории из книжек и кинофильмов. Как, например, волк, попавший в капкан, перегрызает себе лапу или как аквалангист под водой отпиливает застрявшую в железках руку. Но голова, как известно, одна, и дядя Жора, покрутившись и обессилев, отдал ей приказ придумать способ, как вытащить саму себя без ампутации.

Когда мы звонили в дверь, он догадался, что это мы. И пытался хрипло подвывать из завешенного тряпьем короба. А также стучал ногой по полу, давая знать, что он жив. Но пол, застеленный половиками, и вельветовые венгерские тапочки, которые он надел, не давали хорошего звука. К тому же головой много не покрутишь, если вокруг шеи тысяча иголок и одна из них может проколоть сонную артерию.

– И как же ты выбрался? – Тетя Зина, похоже, не до конца поверила в злоключения мужа и хотела поймать его на вранье.

– Под утро и выбрался. Благодаря природной смекалке и ловкости. Мы, кронштадтцы, нигде не пропадем, тебе это должно быть хорошо известно. Плечами расшатал фанеру и вырвал ее из рамки дверцы.

– И что?

– И ничего! Вышел, как дурак, с этим фанерным жабо на улицу. Поплелся к сторожу. Собаки, увидев меня, завыли и разбежались. Разбудил этого черта. Он пошел пилу искать. Притащил – двуручку!.. Чуть голову мне не отпилил, болван. Вот смотри, какие кровоподтеки на шее. Стал снимать с меня этот фанерный стульчак, опять борода зацепилась...

– Борода! – восклицала тетя Зина. – Некоторым мужчинам зачем-то борода вдруг понадобилась! А? Чарли, ты не знаешь, зачем им эта чертова борода с сединой?..

Чарлик всем своим видом давал понять, что не знает, зачем некоторым мужчинам понадобилась борода. Да разве в этом дело, когда хозяин нашелся...

Когда у дяди Жоры зажили царапины, а уши стали нормального размера, он сбрил бороду и вновь стал с братом на одно лицо.

Наверное, он поступил правильно, хотя борода ему и шла. Но без нее в нашем доме сразу стало спокойнее...

Однажды я потихоньку зашел на веранду, чтобы взять с комода спички, и услышал, как мама на кухне спросила отца: «Надеюсь, тебе не хочется отпустить бороду по примеру брата?»

Я замер. В кухне установилась тишина, и когда я заглянул туда через тюлевую занавеску, то увидел, что папа с мамой стоят обнявшись и целуются, как молодые.

Я на цыпочках вышел с веранды и бросился бежать к бе-

седке. И сердце почему-то радостно перекувырнулось в груди.

III. Раки

Рыбалка была страстью и гордостью дяди Жоры, его большой, но неразделенной любовью.

По рассказам дядьки, в процессе лова ему всегда сопутствовала удача: он тягал налимов и хариусов, грёб садками лещей, поднятых со дна специальной электродочкой, гарпунил острой гигантского лосося, шедшего на нерест в узких прибалтийских речках, – его невозможно было втянуть в лодку, не вырвав кусок мяса, а потому, вонзив кованый наконечник в спину, рыбу отпускали, чтобы поутру найти ее обессиленной в камышах – по красной тряпке, привязанной к рукоятке остроги. На северных морях, куда дядька ездил испытывать секретные изделия своего КБ, он бочками налавливал пикшу и зубатку. В звенящих ручьях Кольского полуострова брал крупную форель – до ста штук зараз.

Но как только дело доходило до доставки улова в дом, удача отворачивалась от дяди Жоры, и он приезжал пустой, без единого рыбьего хвоста.

Хитрые выдры, караулившие дядю Жору, перекусывали крепкую веревку, и на дно уходил привязанный к дереву садок с дневным уловом. Или гигантский балтийский лосось, таивший в своем чреве ведро красной икры, неожиданно оживал и, на прощание залепив дядьке хвостом по физиономии, уплывал залечивать рану в глубину речного омута.

Дядька давал трогать вспухшую от удара челюсть и демонстрировал тете Зине пустую пачку анальгина, которую ему пришлось съесть, пока он на своей «Волге» добирался до Ленинграда. Слежавшаяся в кармане пачка имела вид бесспорного вещественного доказательства, и тетя Зина нежно охала: «Ой, бедный наш Волчок! Волчку было больно. Сейчас я ему компресс поставлю...» Два бочонка засоленной зубатки, приготовленные к отправке поездом Мурманск—Ленинград, бесследно исчезали с балкона общежития судостроительного завода. Тощий и злой медведь на глазах у дяди Жоры жадно расправлялся с его уловом миноги, стремительно толстая и не реагируя на предупредительную пальбу из ракетницы, которую дядя Жора вел с дерева на противоположном берегу речки.

Стоял теплый, ясный, грибной сентябрь, и отец, решив наконец отведать грандиозного улова брата, сказал, что неплохо бы нам втроем отправиться на рыбалку – столь заманчиво дядька описывал новое рыбное место, открытое им совместно с доктором наук Н. совсем неподалеку от нашей дачи в Зеленогорске.

Я только что вернулся из колхоза с картошки, и до занятий в институте оставалось несколько дней. Мы сидели на улице за столиком, и одинаковые ковбойки, подаренные братьям-близнецам, усиливали их не размывающееся с годами сходство. Ковбойки подарила бабушка – ей хотелось, чтобы сыновья, как и прежде, продолжали жить дружно. «Ты, глав-

ное, наведи нас на место, – сказал отец, – а сохранность улова я гарантирую». «Ха! – подмигнул мне дядя Жора. – И наводить нечего. Готовь тару! Завтра едем!»

Дядя Жора, чтоб все видели, кто тут главный, сидел на корме лодки, катал желваки, сплевывал в воду и поглядывал в бинокль. Мы с батей гребли.

Мы плыли по мелкой извилистой речушке, чтобы попасть в озеро, где огромные щуки закусывают раками и не могут уесть их даже в три приема – такие мощные раки водились в том озере. Мы собирались брать и раков, и щук. Для раков были заготовлены круглые сетчатые раковни и вонючие мо-стальги, которые дядя Жора достал по блату – всего за бутылку водки в мясном подвальчике напротив вокзала. Мо-стальги дядя Жора сунул в мой рюкзак, в десятый раз пояс-нив, что раки обожают тухловатое мясо.

Пока мы ехали в автобусе, дядя Жора успевал заигрывать с кондукторшей, прикладываться к фляжке с венгерским ка-питанским джином, отдающим можжевельником, и разви-вать тему раков. Он значительно вскидывал палец и гово-рил столь уверенно, словно прожил с раками на дне озера не один год и они, признав его за своего, поведали ему о сво-их гастрономических пристрастиях. Более того, из расска-за дяди Жоры выходило, что он собственными глазами ви-дел, как огромных усатых раков, с которыми он сдружился, поедают гигантские щуки. И теперь дядя Жора выдавал эту

тайну подводного царства мне, своему единственному и любимому племяннику. Отец, привалившись к окошку, делал вид, что дремлет, но иногда фыркал от смеха, не вмешиваясь в рассказ.

Мы вышли из автобуса, спустились к реке, дошли шелестящей тропинкой до мостков, и дядя Жора в пять минут добыл лодку. Пьянющий мужичок, которому дядя Жора взялся внушить, что мы прибыли от Валентина Моисеевича и нам требуется лодка, несколько раз падал в мелкую воду, пытаюсь артистически обвести рукой весь наличный маломерный флот, и дядька, налив ему стакан джина, оставил его в покое, посадив на пенек и отвязав первую попавшуюся лодку. Лодка текла, и было непонятно, кому ее возвращать.

– Левый, табань, правый, загребай! – скупое цедил команды дядя Жора, и лодка с шелестом въезжала в камыши. – Салаги! – не теряя капитанского достоинства, журил нас дядя Жора. – Левый – это не тот, кто от меня слева, а который сидит с левого борта. Выгребай назад. Дружно – раз! Не брызгаться! Полный вперед! – И подкалывал отца, не отпуская от глаз бинокля: – Какие у нас преподаватели, такие и студенты – лево от права отличить не могут, а собираются коммунизм построить...

Удивительно, но мы с отцом, прекрасно зная, кто считается левым и правым гребцом, не сговариваясь, решили, что дядя Жора попросту перепутал ракурс, и сделали поправку на его утомленность джином и дорогой.

Над озером стоял туман, и дядя Жора, отпустив бинокль, принял решение держаться левого берега, который, по его воспоминаниям, был холмист и лучше подходил для лагеря.

– Тут боровики размером с солдатскую каску, – сказал дядя Жора, когда лодка, влажно шелестя песком, ткнулась в берег. – И ни одного червивого. Вылезаем!

– А змеи тут водятся? – как бы между делом спросил я.

– Ха! – гордо сказал дядя Жора, словно он их и выращивал. – Не змеи, а одно загляденье! Толстые, метра по полтора. Гадюки!

Пока мы с отцом разводили на пригорке костер и ставили палатку, дядя Жора пробежался по лесу и принес несколько дрябловатых от сентябрьских заморозков боровиков и кучку переросших свой калибр красных, которые тут же принялся чистить и кромсать в котел, приговаривая: «Рыбки-то еще наедемся, а вот грибная солянка на ужин в самый раз...»

Дядя Жора сказал, что хорошее начало полдела откачалось. Теперь главное хорошенько поесть, опустить в озеро раковни и ночью вставать по очереди, чтобы вытаскивать раков. А щук наловим на утренней зорьке. Подъем будет в пять утра, без всякой пощады!

Он изготовил несколько жердин, привязал к ним у света костра раковни и закрепил в них шелковой бечевой мостыги. Придирчиво понюхал белеющие на дне сеток кости, словно сомневался, достаточно ли они вонючи для его друзей-раков, показал нам большой палец и спустил устройство

на дно озера рядом с перевернутой на берегу лодкой. Лодку мы по настоянию отца перевернули, чтобы ее не увели.

– Кирилл, ты, как самый трезвый, следи за снастью, а мы с твоим батькой пока вмажем под соляночку.

Я тягал раков через каждые пять – десять минут и, осторожно собрав их в темной траве, бежал с ведром к костру, чтобы похвастаться уловом. Отец с дядей Жорой хохотали, как мальчишки, и сожалели, что прихватили мало укропа и прочих специй, – если дело пойдет такими темпами, то часть раков придется варить по-простому, в соленой воде. Когда их набилось целое ведро, дядя Жора высыпал шуршащих раков в полиэтиленовую скатерть, завязал морским узлом и положил за палатку, чтобы свет костра не будоражил озерных жителей и они лежали тихо в ожидании пахучего укропного кипятка.

На всякий случай я срезал палочку с рогатинкой на конце и ходил с ней как со стеклом, постукивая по голенищу кирзового сапога.

– Горе только рака и красит, – проворачивая палкой в ведре, в котором из пены торчали огненные усы и хвосты, сказал дядя Жора и позвал нас снимать пробу.

Раки были классные! Сваренные с солью, перцем, лавровым листом, укропом – они и в самом деле были крупны, их хотелось есть и есть, отламывая мощные хвосты, высасывая из колючих острых клешней ароматный рассол.

Я проснулся от боли в пальце – словно защебил его в двери, тряхнул рукой, с ужасом ощущая, как от нее отлетело что-то живое и холодное и плюхнулось о брезент.

– Змея! – хрипло завопил я, встряхивая горячей рукой и пытаюсь другой нащупать молнию на палатке, чтобы всем гуртом быстрее выскочить наружу к еще тлеющему ровным желтым светом костру. – Не шевелитесь, я сейчас открою, она может укусить! Меня уже укусила!

Вжикнула молния, и я выкатился к костру. Следом за мною вылетел вмиг проснувшийся отец. За ним по-пластунски выполз со спальным мешком на ногах дядя Жора.

– Покажи руку, – спокойно сказал отец. – Ах ты, черт, фонарик в палатке! Давай-ка к костру...

Дядя Жора, избавившись от мешка, откинул полог и осторожно шевелил палкой вещи:

– Дайте огня, сейчас я ее грохну! Кажется, в углу вьется!

Я поднес руку к самым угольям и различил на указательном пальце вздувшийся багровый рубец, словно я и впрямь защебил кожу. Отец стоял рядом на четвереньках и, сощурив глаза, разглядывал мою рану. Дядя Жора продолжал просить огня и сотрясал брезент ударами палки:

— Отойдите подальше, сейчас она сама выползет! Ну, выходи, подлая!

– На укусы змеи не похоже. – Отец внимательно оглядел мой палец и поднялся с колен. – Может быть, рак заполз? Георгий, ты клал раков за палатку! Они не могли расползтись?

– Как они могли расползтись, если я завязал их в скатерть морским узлом! – Дядя Жора опустил занесенную за плечо палку. – Разводите огонь до неба, проведем ревизию палатки!

Он оглядел при свете вспыхнувшей бересты мой палец и поставил диагноз: если и змея, то неизвестной в наших краях породы. Лучше для профилактики вскрыть рану ножом и промыть джином.

– Это, наверное, рак. – Я пошевелил больным пальцем и стал подбрасывать в костер хворост. – Дядя Жора, смотрите внимательнее... – Мне хотелось быстрее убедиться, что в палатке была не змея, и тогда не придется взрезать ножом рану.

Отец откинул полог и вытянул к костру скомканное одеяло.

– Да вот же он, паразит, – ласково сказал отец. – Конечно, рак.

Он осторожно взял членистоногого кусаку за панцирь и швырнул в озеро. Булькнуло.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил отец. – Не знобит? – Он еще раз осмотрел мой палец.

– Нет, – помотал я головой, – все в порядке.

– Меня знобит, – сказал дядя Жора, пересматривая вынесенные из палатки рюкзаки. – Думаю, надо выпить для профилактики.

Костер уже весело трещал, освещая оранжевым светом

палатку, стволы сосен, спуск к воде и истертый киль перевернутой лодки.

– Четыре часа, – сказал отец. – Так рано я в своей жизни еще никогда не выпивал.

– Завидую, – сказал дядя Жора. – А у меня из сюрпризов разве что смерть впереди.

– Типун тебе на язык! – плюнул отец.

– Не типун, а давай наливай! Если бы твой сын не разбудил меня воплями: «Змеи! Змеи!», я бы спал до пяти как огурец. – Дядя Жора упорно не хотел признаваться, что рак выполз из скатерти, завязанной морским узлом.

Братья разом крякнули и опрокинули по стопочке. Отец принялся закусывать, дядя Жора внимательно наблюдал, как он управляет с бутербродом и хрустит луком.

– Все-таки ты больше похож на меня, чем я на тебя, – сказал дядя Жора, не притрагиваясь к закуске.

Отец замер, постигая мысль. Дядя Жора глянул на часы:

– Уж на что я люблю пожрать, но ты мастер! Начало пятого, а он уже ест!

– Я жакушываю, – сказал отец и прожевал. – Это две большие разницы.

– У тебя на все есть оправдания. – Дядя Жора потянулся к вареному яйцу. – Это я прост, как ребенок: виноват, так виноват. Каюсь. Хочется выпить в четыре утра, я искренне говорю: хочется выпить!

Незнакомому человеку, окажись он за столом с моим

дядькой, могло показаться, что он имеет дело с горьким пьяницей, которого к концу посиделок придется вытаскивать из-под стола и волочить до кровати. Но как самая веселая девушка в компании далеко не всегда оказывается самой доступной, так и дядя Жора со своими подначками обогнать Америку по количеству спиртного на душу населения никак не тянул при ближайшем рассмотрении даже на звание простенького выпивохи.

Стоило приглядеться, и его секрет легко раскрывался. Первые две стопки дядя Жора принимал как радующую необходимость. После третьей, когда пружина застолья начинала стремительно разжиматься и близкий восторг в душах заставлял сидящих за столом говорить громче, а глаза смотреть веселее, дядька начинал половинить стопки, а то и пропускать вовсе. При этом, как фокусник, отвлекающий внимание от правой руки, он принимался усиленно жестикулировать левой. Или бросался усердно предлагать сидящему напротив огурчики, грибочки, протягивал блюдце с зубками маринованного чеснока. Его собственная невыпитая стопка оказывалась надежно замаскированной в гуще посуды и зелени, прикрыта дымовой завесой шуточек и свободного трепа: «Наливаем по четвертой! Четвертая, по постановлению Совета Министров, не закусывается!» После пятой и шестой дядька мог идти в соседнюю комнату, лечь на диван и смотреть телевизор – компания плыла вполне самостоятельно, и потребность в капитане-тамаде возникала, лишь когда

кончалась выпивка или закуска. Дядька появлялся так же неожиданно, как исчезал, и поддерживал любой разговор, словно он его и начал.

Вот и теперь, подначив отца выпить, он незаметно улизнул от костра и стал готовить снасти для вылова щук.

Когда заметно рассвело и отец пропустил три стопочки, мы перевернули лодку в исходное положение и, послушавшись команды капитана: «Вперед, на рыбные заготовки!», дружно ударили веслами по холодной воде. Дядя Жора совершенно трезвый сидел на корме в спортивной шапочке и короткими репликами направлял нашу текущую посудину к известному лишь ему месту лова. В ногах у него лежали: рюкзак с едой, выпивкой и набором блесен, топор для оглушения крупных щук, котелок для вычерпывания воды, две удочки, спиннинг и садок на длинной ручке – чтобы подцепить рыбину еще в воде, когда она, подведенная на леске к борту лодки, чаще всего срывается.

Туман желтыми клочьями цеплялся за камыши, лежал сизыми слоями по курсу лодки, скрипели уключины, всплескивала вода под веслами, и плыть было интересно и жутковато. Едва мы отплыли, берег с оставленным лагерем затянуло туманом, но дядя Жора уверил, что наше место он найдет вслепую, с завязанными глазами, ночью – такова мощь его внутреннего чутья, а уж позднее, когда рассеется туман, мы и сами увидим наш холм с палаткой.

Отец только хмыкнул, сдвинул на затылок старую фетро-

вую шляпу и поинтересовался, всю ли выпивку брат сложил в рюкзак.

– Стоп! – приказал дядя Жора, когда мы вошли в такой густой туман, что его можно было разгонять ладошкой. – Кажется, здесь. Точно, здесь.

Он велел нам равномерно рассесться по лодке и ловить на червя лещей, окуней и крупных ершей, придающих ухе неповторимый аромат, а сам потрещал катушкой спиннинга, прицепил желтую извивистую блесну размером с хорошего карася и ловким движением закинул ее далеко в туман. Мы слышали, как она вкусно чмокнула воду.

– Осенняя щука лучше всего, – не спеша наматывая катушку, предвкушал дядя Жора. – Жирная, ядреная, крупная.

Мы с отцом нацепили червяков и забросили удочки рядом с бортом, чтобы видеть поплавки. Мой почти сразу ушел под воду, и я, качнув лодку, вытянул окушка размером с ладонь. Он затрепыхался в лужице на дне лодки, и отец помог снять его с крючка. Тут же клюнуло у отца, но сорвалось. Он сменил наживку и вытащил увесистую серебристую плотвичку.

– Брать? – спросил отец.

– Кинь в лодку, пусть валяется, – равнодушно сказал брат. – Мелковата, но на живца может сгодиться...

Он уже несколько раз впустую пробороздил блесной-карасем водные просторы и начинал нервничать. Мы с отцом почти одновременно сняли с крючков по приличному окуш-

ку, и дядя Жора, порывшись в рюкзаке, заменил большую бронзовую блесну на маленькую серебристую.

– Мы брали выпивку, чтобы не оставлять ее в палатке или чтобы пить? – Отец насадил нового червяка. Ему, похоже, нравилась такая рыбалка.

– Пить, пить! – нервно сказал дядя Жора. – Вот я поймаю, и выпьем.

– А если не поймаешь?

– Не говори под руку! – огрызнулся дядька, закидывая блесну и склоняя голову, чтобы услышать, как она плюхнет-ся в воду. Из тумана донесся дряблый взбульк, дядя Жора начал наматывать леску на катушку и шепотом выматерился: – ...! Оторвалась! Такая хорошая блесна была! С вашей болтовней тут ничего не поймаешь. Сидят, понимаешь, лясы точат...

Мы стали сочувственно выяснять, как оторвалась блесна: от развязавшегося морского узла на леске или ее оторвала крупная рыба? Не проронив ни слова, дядя Жора порылся в рюкзаке и вытащил новую блесну—с красными перышками под окуня. Мы отвернулись к своим поплавкам, чтобы не взглянуть его рыбацкое счастье и не прозевать своего.

Дядя Жора сопел, шуршал курткой и, встав в полный рост, попросил:

– Пригнитесь, а то зацеплю!

Придерживая удочки, мы с батей присели на дно лодки и услышали, как дядя Жора раскручивает над головой спин-

нинг, чтобы закинуть блесну подальше. Лодка резко наклонилась в одну сторону, в другую, скакнул котелок, и я услышал мат-перемат и удивленный всплеск сонной воды, в которую рухнул дядя Жора. Лодка выровнялась, качнулась на волне, но тут же ее нос задрался вверх – это фыркающий дядя Жора крепкими руками притопил корму, стараясь быстрее влезть обратно. Я бросился ему на помощь, и лодка еще выше задрала нос, словно собиралась выйти на глиссирование.

– Назад! – неожиданно рявкнул отец. – Он сам!

Корма двухвесельной прогулочной лодки (а именно таковой следовало считать отвязанную от мостков посудину) имела фасонистую полукруглую спинку, которая и мешала теперь дяде Жоре воссоединиться с большинством.

– Только не суетись! – тихо и властно сказал отец.

– Я не суечусь, – отплевывался от воды дядя Жора. – Мы и не такое видали! Хрен ли нам... Ты же знаешь, я висел в небе над Сахали... Твою мать, сапоги бы не потерять!

Мы с отцом присели на носу лодки, чтобы понизить центр тяжести и не дать дяде Жоре перевернуть ее.

Сделав несколько попыток выпрыгнуть из воды и лечь на спинку кормы животом, дядя Жора вопреки окрикам отца попробовал проникнуть в лодку с борта – именно такая позиция, как совершенно негодная, перечеркнута красным крестом на плакатах по правилам поведения на воде – и чуть не перевернул нас вместе с рюкзаком, звонким котелком,

острым топором и удочками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.